

ИЛЬЯ МАГИН

Староверы как евреи: особенности пищевых запретов у старообрядцев северной Литвы

 о Второй мировой войны наибольшим языковым, религиозным, этнографическим меньшинством Литвы были евреи. В послевоенное время таким меньшинством стали старообрядцы. Отличаясь от окружения религией, одеждой, языком, календарем, староверы оказываются функционально близки к литовским евреям. Сходство это вполне отражено староверами (ср. «белые жида» как название староверов в Латгалии во время Второй мировой войны¹) и пищевыми табу не ограничивается, к нему прибавляются ортодоксальность, гонение за веру, положение меньшинства на чужой земле, трансграничность общины, многоязычие, внешний вид, в конце концов. В Литве сходство староверских пищевых запретов с кашрутом особенно бросается в глаза, поскольку евреи и староверы оказываются единственными крупными группами, у которых вообще есть пищевые табу (татар и караимов всегда было несопоставимо меньше, а уровень их ассимиляции, насколько можно судить, – выше).

1. Общие сведения о пищевых запретах у староверов

Несколько лет назад вышла замечательная книга «Кухня староверов Эстонии» – сборник рецептов, собранных и опубликованных как полевые записи, с сохранением особенностей речи и точ-

ным указанием на то, от кого, где и когда записан рецепт². Во всех отношениях оригинальная и блестящая книга удивительна еще и тем, что в ней не упоминается о пищевых запретах, без которых трудно представить староверие. Также отсутствуют упоминания о пищевых запретах в недавнем этнографическом сборнике Морозовой и Новикова³, в обзорной работе Макашиной о староверах Латгалии⁴, в работах о кулинарной лексике⁵ и пр.

Тем не менее, данная статья не претендует на какой-либо этнографический анализ, ни же на подробный лингвистический разбор. Ее задача – дать образцы малоизвестного говора биржайских староверов. Для этой цели выбраны тексты единой тематики – с той мыслью, что однотипные тексты удобнее для анализа и сопоставления.

2. Запретная еда

2.1. Крольчатина и конина

Речь идет не о постах, а о полных табу, которые чаще всего касаются крольчатины и конины, реже – медвежатины и птицы. Устроены эти запреты одинаково, по той же модели, что и кашрут (и восходят, надо думать, к тому же ветхозаветному источнику, 11 главе книги Левит⁶). Запрет связан с каким-либо признаком животного: кролика нельзя есть, потому что он рождается сле-

пым⁷ или же медведя нельзя есть, потому что у него лапа похожа на человеческую⁸.

[А вот у старообрядцев ведь не всё можно есть, правда же?]

Инф. 1: Да. Ну эт...

Инф. 2: Посты бывают.

Инф. 1: Посты.

Инф. 2: Пэряд...

[Нет, я имею в виду, что не всякую еду. Там, вроде, кролика нельзя?]

Инф. 1: Няльзя, няльзя, няльзя.

Инф. 2: А, эт! Кролика няльзя, конину няльзя. Только съ... съвинину можно и птице. Баранину можно.

Инф. 1: Кролик – он слепой рождается. Кролик – нельзя.

Инф. 2: Нам нельзя кушать.

М: Нам нельзя этэ.

[А конину почему?]

Инф. 2: И конину нельзя.

Инф. 1: А конина, конина – што в яво нэту в ног, в ногэ... кру́ная эта... ну... Копыт этот всё, стоит. В нас дак во всёх эта – эси палыцы, пять палыцев эся. А там нэту.

[Что же, значит, медвежатину можно?]

Инф. 1: А?

[Медвежатину, значит, можно?]

Инф. 1: А ня знаю, не, я слыхал про это. Не знаем.

Инф. 2: Не знаим эта <смеется>.

[А у вас тут не водятся медведи?]

Инф. 1 и Инф. 2 (хором): Не-не.

(Зап. в д. Федаришках, от Инф. 1 – муж., 1939 г.р., род. в д. Манеевка Рокишского р-на, Инф. 2 – жен., 1942 г.р. Соб. И. Магин)

«Потому что» оказывается здесь не причиной запрета, а способом отличить запретное от допустимого.

Обычно кролик, лошадь и медведь называются первыми (слышано в Смоленской области), но поскольку в Литве не водятся медведи, то запрет на их мясо утратил актуальность. Список может редуцироваться и до одного кролика, поскольку

запрет крольчатины, употребляемой православными и католиками, заметней всего в быту:

Инф.: ...так же самый все праздники (=у православных).

[А еда-то не такая же самая?]

Инф.: Яда – п[о]сты гляжу, вот тепэри-ка строгий пост, и когда у среду-пятница, это уже каждый день. А так – так я ня знаю. Може, какая где різница эсьть.

[Ну как, я знаю, что православным можно кролика есть, например.]

Инф.: Ну, наши ядут тепэрь наши всё, токо што им так как-то неприлично – мы не ядим. А так... да – ня мógим... Это, може, и не. Этого я тó[ч]но ня-знаю. Ну кроликов тапэрь держат – брат мой держит. Жана литовка (в)-яво. Ну вот. И оны ядут. Но тоже говорили, жана г[ово]рила: «Ай, и не хочу, как будто мне не... ня ндрáвится <этих> кролика мясо», говорит, «больше ня буду дяржать кролик[о]в». Оны тоже постарэ... постарэли, (у)же зямлю уже не работают, вот так и... вот так и живут. Заработано што пэнсию даёт.

[А вот почему, откуда это вообще – одно можно есть, а другое нельзя?]

Инф.: Ну вот это, это уже котóрые грамотны[е] и а я дак <дрáна> я уже ня знаю поцяму, как.

[Почему кролика нельзя – не знаете?]

Инф.: Да, поця... Ай може... Ня знаю, как ранше говорили, што быдто оны рождáются сляпыи – вот эт поэтому. Да, это поэтому, што сляпыи рождáются – няльзя. Так я думаю, свинья есче хуже, (о)на всю дрянь йист, а можна йисеть. А вот йись этых, птиц этых, вот, вишь, кроликув и няльзя. Так вот.

[А еще из скотины кого-то тоже нельзя?]

Инф.: А от ня знаю я, ну...

[Лошадь вот можно?]

Инф.: И я не... ня... Вот этого я н[и] скажу. Нам н[и] траплялос (=не случилось). О и ня знаю. Тапэрь и нядавно говорили, што э... где-же там конятину продавали у нас в Литвы привезци.

(Зап. в д. Федаришки, от жен., 1935 г.р. Соб. И. Магин)

Полная редукция объяснений выглядит так:

[А кого нельзя?]

Инф.: А кого нязья? Кроликов нязья.

[А почему?]

Инф.: А потому што кролей нязья.

[А почему кролей нязья?]

Инф.: Ну потому мы слышим, так в старовэрии <и не едят?> и есть.

[Ну, причина-то имеется?]

Инф.: Ну, причина-причина, чёно? Литовцы ядут, а мы не ядим. Ёсли мы не разбираём настряпано там в столовой, так и мы поели.

[Так а... Так это дикого нельзя кроля или домашнего тоже нельзя?]

Инф.: Домашнего нязья.

[Так а если он не удушенный, почему же его нельзя?]

Инф.: Ну яво нязья, старовэрам нязья. Кабанов можно.

[Кабанов?]

Инф.: С копыткам есь, с копыткам надо дерь... с копыткам. Где копытки, копыты есь, можно ётых.

[То есть...]

Инф.: И коровы, коней нам нязья.

[А почему коней?]

Инф.: Лошадёй нязья. А потому што нязья – так <нрзб>зано. Нязья. Нязья. Курей можно, индюков можно. Вот уже видишь уже кролей нязья, и-и-и лошадиное нязья. А топёрь больше, што етоё тоже не знаём.

[Так а лошадей почему нязья?]

Инф.: Ну потому што, узнаешь дальше отчаво нязья. Это дальше, глубже пойдёшь. <...>

(Зап. в Манеевке, от жен., ~65 лет. Соб. И. Магин)

Так же может сокращаться и список запрещенного мяса:

Инф.: Да-а! Во. А конёв так знаю, што ёли. Да. Как был конь-эта зарезанный, и чаво они зарезали, дёлали килбасу ётот с кони... с конины. Да. Вот ётэ знаю, што ёли.

[Здесь старибрядцы делали? с конины колбасу?]

Инф.: Да. Да, да.

[Прям такую с кишек, да?]

Инф.: Да.

[О, как. А вот птица? Всякую можно? Вот лесную птицу?]

Инф.: А птицу всяку<ю> можно.

[А я вот слышал, что вот...]

Инф.: Ну?

[...у кого гнездо на земле, то одно...]

Инф.: А-ай!

[...а кто на дереве, то другое.]

Инф.: Нё, во ёто ня слышала, дётка. А птицу тык... только што нель... нель... нязья, ну, как-тэ говорица, што нязья птиц. <пауза> Ну, нязья птице – ни гнёздэ разорять. У нас ёт оборони Бох. Кто исли гнёздэ разоришь, аи (=или) там яйчки куда дёнешь – ётэ, ётэ, говорят, не хорошо.

(Зап. в Федаришках, от жен., 1932 г.р. Соб. И. Магин)

2.2. Аист и народная Библия

Также пищевые табу могут быть связаны с «народной Библией»⁹:

[Мне говорили, старообрядцы не всякую птицу едят. Не всякую птицу можно есть. Что каких-то можно, а каких-то нельзя.]

Инф. 1: Вот, ага – ботьяна ж нязья йисть. ётого, ботьяна знайти?

[Да, знаю-знаю. А почему ботьяна? Такой бёлый, да? с красным клювом.]

Инф. 1: Да-да, да. Дак вот, другие вот всё ёсь, и ядат, и ядят какие-то, ня знаю. В нас...

[Боцяны нязья?]

Инф. 1: Нязья, нязья. Он человек, человек был ботьян.

Инф. 2: Не, ботьянов, наверно, никто...

[Ботьян был человек?]

Инф. 1: Да, да...

Инф. 2: Ботьянов, наверно, никто ня йист.

Инф. 1: Ботьян человек был. Он когда ётот, да, тот... Ной...

Инф. 2: Ну, старове́ры, што пти́цу э́та: гусе́й мо́жна, индыка́ мо́жна, э́тых, ку́риц мо́жна йи́сьть. То́ка што е́та ня́льзя – за́йца ня́льзя, э́тава – ха... кро́лика не́льзя – вот э́та. А э́та всё мо́жно.

[А что был за человек ботьян?]

Инф. 1: Ботья́н был, ийо́н како́й... како́й-то был... всё ра́ньше ка́да Но́й э́тот ще не́-был ка... ковчег э́тот не́ был ще испо́дан, э́то, дак а ковчег та́да положи́ли э́тот, свято́й дух да́л собра́ть всех ро́да живо́тных, всех-всих...

(Инф 1: Мне ба́ночку ту́ю ма́ленькую пода́й.)

Инф. 2: И тот ковчег...

[Ну?]

Инф. 1: ...Помясти́ть.

[Так.]

Инф. 1: А кото́рых зато́пить.

[Ага.]

Инф. 1: Зато́пить, няго́жие кото́рые е́стя все. Так вот о́н, э́та, тот, кото́рому о́н да́л послание, что иди́ в мяшке́ э́тых няси́, что́бы оны́ не́-были, так о́н по доро́ге шёл-шёл, и ту́ту-ка я́вный яви́лся. «Ты ж ня... челове́че, ты ж ня зна́ишь – кого́. Ты ж п[о]гляди́ тут, мо́же, э́с, хоро́шая шту́ка е́стя. Тутэ́-ка, тут Бо́х да́л е́стя». А о́н – о! Да всё: «Да че́го ж. Дава́й посмо́трим». Он как откры́л – они́ ты́р-пых и всё уляте́ли. Во́т йоны́ и оста́лись. И ботья́н оста́лся. Был. И там други́е таки́е. И вся́кие зме́и были та́м вся́кие, собра́ны всё.

[Те, которых не нужно было брать, что ли?]

Инф. 1: Да, те́х на́до-было у... убра́ть.

[Так, что же, разве ботьян плохой?]

Инф. 1: Ну дак во́т, ня зна́ю, что́-то провини́лся. И ляте́ли о́то когда́ по Писа́ние опис... всё...

Инф. 2: Ну и йоны́, и йоны́, и йон не плохой, а, мо́же, бы́й приви́нвши пред Бо́гом.

Инф. 1: Да́, вот, да́, – приви́нвши, провини́лся и...

(Зап. в Федаришках, от Инф. 1 – муж., 1939 г.р., род. в д. Манеевка Рокишского р-на, Инф. 2 – жен., 1942 г.р. Соб. И. Магин)

В Зарасае также рассказывают о запрете на аиста, но без отсылок к Библии:

Инф.: А, ну, напра́мэрнэ, у нас и ло́шадь и шша́с никто ня е́ст. То́кэ копы́тная, то́я ни́шшая [?] копы́тная, кото́рая, например, овéчка, там э́то – раско́лотый копы́т, раско́лотый...

[И таких нельзя?]

Инф.: А э́тэ, кру́глэе копы́тошнее никто ня йист, у нас ни яду́т.

[А, круглое нельзя.]

Инф.: Да. А э́ти вот, например, овé... овца́ – раско́лотый, поро́сенок раско́лотый, там, коро́ва раско́лотый. Вот. э́ти мо́жно е́сть. Ну, а, напримерно, э́та ло́шадь никто́ ня йист. Тата́ры э́та мо́гут йисть. <нрзб>

[А там кролики-зайцы?]

Инф.: За́йцы, кро́лики то́же не яди́м. Они рожда́ются сляпы́е.

[Ну и что?]

Инф.: А нет. Сляпо́е, сляпы́е у нас не яду́тса. Шас яду́т, но ра́ньше ня е́ли.

[Почему?]

Инф.: Потому́ шо он рожда́ется сляпо́й! Э́то как ко́т сляпо́й рожда́ется, соба́ка рожда́ется сляпа́я, щеня́ [нрзб]. Э́та не походи́т.

[А вот медвежатину, допустим, можно?]

Инф.: <Медвежатину?> У нас оны́ <не водятся> [А волки-то водились?]

Инф.: Ну, дак води́лись. Э́так можно... то са́мо што медве́дь, то соба́ка, то волк – то са́мо. Или соба́ку, или мядвэ́дя, или волка́. А за́яц, наприме́р, кро́лик – оны́ бли́же, но оны́ то́же – сляпы́е рожда́ются и [нрзб]. Ну, ся́с (=сейчас) яду́т всё подря́д. [нрзб] Што попа́ло: и кони́ну еду́т.

[А птицу любую можно было есть?]

Инф.: Пти́цу? Любу́ю. Ну, коне́шно, там ботья́на не е́ли, ни воро́ну ня е́ли, не э́та, а дома́шнюю пти́цу всю е́ли.

[А из диких?]

Инф.: А из ди́ких то́ко у́тка и, там, карапа́тка. И э́тот, как его, те́терев. э́ти уже кури́н... к ку́рям бли́же, дома́шним.

[А лося там, допустим, ели?]

Инф.: Почему́? Ло́ся, козла́, поро́сенок же мо́жно ди́ких е́сть. Кто подходи́т бли́же к дома́ш-

ним. Ворона шшытáется, ворон у нас [нрзб] – пáдлу ядúт. <нрзб> Ну, а шшас, говорят, и ворон ядúт. И ворон, и всё <едúт>.

(Зап. в д. Карташовка, Зарасайский р-на, от муж., ~ 1943 г.р. Соб. И. Магин)

Сама легенда об аисте может бытовать и без всякой связи с пищевыми запретами:

Говорили так (правда это или нет?) – Бо... Бóһу сказа́л челове́ку: «Собяри́, собяри́» или «уняси́». – Ктó-то собра́л в мяшок их всех, да? – лягу́шек и, ну, всю тва́рь. И, и зьме́ев и всё ка́к бы всё тудá. В мяшо́к. И кому́-то сказа́ли отнясти́ куда́-то отнясти. «Но не отвязывай!» А человек понёс, – развяза́л, хоте́л посмотре́ть. И зьме́и и всё по... – не ўспéл завязáть. По... напугáлся или ка́к там, я не зна́ю. Иль это ж шу́тка или... или в пра́вду, но та́к мать, по́мню, рассказы́вала. Или ба́бушка? Вот, вот ево́ и сде́лал Бо́һ ботьяно́м, што: «собра́й». Ну, а ка́к?

(Зап. в д. Манеевка, от жен., 1932 г.р. Соб. И. Магин)

2.3. Кровь и насмешки

Кроме того, что запрет описывается как примета прошлого, он еще служит предметом шуток:

[...но я так понимаю, что не всё можно есть?]

Инф. 2: Ай, мо́жно – ну хтó гляди́т? Мо́жно. Это попу́ то́лько няля́зя, а лю́ди всё жру́т.

Инф. 3: До́ девяно́ста процéнтов, што по́п то́же...

Инф. 2: ...гряши́т?

Инф. 3: Да.

Инф. 1: Гряши́т!

Инф. 3: И во́дочку х...

[А что, во́дочку нельзя́?]

Инф. 1: Можно́-мо́жно. <общий смех>

Инф. 3: То́лько с хру́жки, а не со стака́на.

Инф. 1: Не-не, не со стака́на, а с кру́жки.

Инф. 3: Бо́х ня ви́дит, ёсли с кру́жки.

Инф. 1: Бо́х прости́т – всё.

[Ну вот я слышал, что, допустим, кролика не едят.]

Инф. 1: А, ёта ёстя тако́е во́т: ёсли, ну, с копы́тами, то ёто мо́жно. А где ёсть...

Инф. 3: Это то́же са́мое как ко́т.

Инф. 1: Как кот – кро́лик вот.

Инф. 2: Не-ет! Skéltanagis (=парнокопытный) если вот...

[О! Tas yra žodis – skéltanagis. (=О, вот слово – скелтанагис.)]

Инф. 2: Ну! ёсли...

Инф. 1: Копы́та!

Инф. 2: ...ёсли копы́та как в ло́шади заодно́ идёт – вот таки́х нельзя́.

Инф. 1: Вот я и кро́лика, он же, ну...

Инф. 3: Как кот.

Инф. 1: Как кот, как ётот, ну.

[А что общего-то у кролика и кота?]

Инф. 1: Но... но... но́ги – ла́па, ла́па, ла́па. Вот у забáки. Вот козу́лю мо́жно. Она уже. Кабана́ – мо́жно. Э́та, лося́ – мо́жно. Э́та, ну, копы́ты, ну, э́ты вот. Ё́тых мо́жно.

[И сви́ню можно? Такого́ же копыт?]

Инф. 1: Да-да-да.

[А ло́шадь, значи́т, нельзя́.]

Инф. 1: Ло́шадь нельзя́.

[А кого́ нельзя́?]

Инф. 3: Ну жена́, кро́в жена́...

Инф. 2: Nu ku, ku? (=ну чего, чего?)

Инф. 3: Э́тому – му́жу. Жена́, кро́в.

Инф. 2: Ну всё мо́жно, то́лько на́до проси́ть Бо́һа, чтоб прости́л бы. «Го́споди, пер... преврати́ порося́ в карася́!¹⁰»

(Зап. в Алошче. От Инф. 1 муж., 1941 г.р., Инф. 2 жен., 1941 г.р., Инф. 3 – муж., 1973 г.р. Соб. И. Магин)

Любопытно, что упомянутое в разговоре литовское *skéltanágis* (тот, у кого расщепленное копыто) в литературном языке используется как зоологический термин – парнокопытное, но в разговорной речи в первую очередь служит названием черта (и, производно от него, скупца)¹¹, в просторечье же (чего не отмечают словари) это бранное название русских, причем, по сообщению клайпедских староверов, оно относится в первую очередь к ним (зап. в Клайпедэ, 2003).

Приведенная выше шутка о менструальной крови («мужу нельзя кровь жены») тоже возникает не на пустом месте, поскольку староверы могут избегать пищи с кровью:

[А вот то, что старообрядцы готовили – своя еда – она такая же, как литовская, или другая?]

Инф. 2: Такая она, такая.

[Да? И вот старообрядцы делают там цепелины?]

Инф. 2: А цепелины тоже делают и старообрядцы таперь цепелины делают, делают.

[Да? И называют так же?]

Инф. 2: Да, так сама называют.

[А вот, допустим... знаете, как же это называется у литовцев – вядарэй (=кишки, начиненные картофелем и/или крупой)]

Инф. 2: Вядарэй? Как же-ж по-русски?

Инф. 1: А это вядарэй – это када режут поросёнка...

Инф. 2: Када поросёнка, да.

[Зарежут, дак йоны там-ка яво делают: крупы ложут, крупá...]

Инф. 2: Это литовцы такие делают.

Инф. 1: Это литовцы делают.

[То есть такого не делают староверы?]

Инф. 1: Не-не-не. Нам, нам эта кровь нам не разрешается.

Инф. 2: И оны крови добавляють, круп добавляють, а у нас так не разрешается.

Инф. 1: Вот эта кровь, кровь, вот йоны, оны пьют кровь. В нашем законе не разрешается это делать такое. Эта. Потому што Исус Христос тоже был яврэй. Вы знаете? <...>

[Подождите, я про кровь чё-то я не понял. Ведь старообрядцы же мясо едят. Так?]

Инф. 1: Ядят.

[Говядину можно же вам есть, правда?]

Инф. 2: Г[о]вядину можно.

[И телятину можно?]

Инф. 1: Тялячу можно. Толька нязьзя кролика нязьзя и лошá... лошадь н[е]льзя.

[Так в мясе же есть же кровь?]

Инф. 1: Не.

Инф. 2: Крoв? Зарéа... зарéжем поросёнка – крoв выпускаим. Мы с крoвьoу ничавó не дéлаим.

Инф. 1: Не, с крoвьoу нам нязьзя. Крoв<ь> ésta...

[Ага! А католики, значит, не выпускают, да? Им можно?]

Инф. 2: И-йоны, и-йоны крoвь éту бярут...

Инф. 1: Бярут и...

Инф. 2: Ы-дéлают и-крупы вáрют éту крoв и вядеры éты дéлают.

[А, там обязательно кровь нужна, о.]

(Зап. в Федаришках, Инф. 1 – муж., 1939 г.р., Инф. 2 – жен., 1942 г.р. Соб. И. Магин)

Пример редуцированного запрета на вядарэй:

[А, там, не знаю, вядарэй можно есть староверам? Ну вот эти, колбаски литовские.]

Инф.: Литовские? А мы, русские, их, вядарэй эти ня дéлаем. Они с крoви и с крупы, да? Не, не, мы их брэзгывали почему-то, ня дéлали.

[Ну, вы видите, значит вы сколько всего!]

Инф.: Мо... мóжет, тадá, и г... ну, мы зь... с отцoм жили, с мáтерью – никoгдá таких ня дéлали. А вот дóчка за белoрусáя вышлa котóрая в Риге, – я éздилa – так они дéлают. <...>

[Ну, я слышал, что их не едят староверы. Потому что там кровь.]

Инф.: Ну, ня знáю. Шичáс не могу скáзáть. Рáньше бы... бýли éти в магáзине, так мы брали. Собáке или котáм. Сáми ня éли.

(Зап. в Манеевке, от жен., 1932 г.р. Соб. И. Магин).

3. Нарушения запрета

Никакой кары за нарушение табу не предусматривается, но попытки есть крольчатину не кончаются добром:

[Хотел спросить про еду, вот. У старообрядцев же, у староверов, не всё можно было есть.]

Инф.: Да, конéшно.

[Разные там были, что и нельзя.]

Инф.: Да. Зáйца нельзя йисъть, кроликов нельзя мяса йисъть, ну. Вóт.

[А почему?]

Инф.: Онѝ сляпѝе рожаѝются.

[И поэтому нельзя?]

Инф.: Тэ поэтому нельзя. А чевó – не знаѝю, вóт.

[А еще кого?]

Инф.: Ну бóльше ня-знаѝю – когó. Тóкэ знаѝю, што зѝйцэ, крóликэв, этэ. <пауза> Да я и <прокашливается>, я и самá – дяржáли крóликув, этá всѝ э́ли, э́ли, а я не моглá йѝсьть. Вот. Не допусkáет моѝ сь... душá – и всѝ. Так вку́сно сястра́ надéлала <смеется>, так пáхнет, хырошó. И пришóл наш му... ха... мой мѝж с рабóты, сѝли йонѝ за стóл: «Бѝдем йѝсьть» и йонѝ и онó... – та я пошлá на ўлицу. При... Пошлá на ўлицу. Прихожѝ, гл[я]жѝ – в этóй ф сястры в-Вдакѝи (=Евдокеи) полóжен[о] малéнька. «А чѝ-тэ, Никалáи?» – а тот йѝст, [купрét?] и я, и я э́ла потóм и этá сказáла всѝ, што крóлик – и тот ня стáл йѝсьть, вот мушчѝна! И томѝ плóха стáла. <смеется> И бóльше никадá ня рэзали, ня-э... ня-йи... ня-э́ли их такѝх никадá. А чавó – я прóсто не понимаѝю.

[Староверческая привычка!]

Инф.: И вóт... нé, дѝтка, нé, нé, вот кáк-та душá не... мне не пре... Кхе... Я, как там жѝли, я [откашливается] заболéла, а сусéдка тáмо-ка прийшлá ко-мнé прэ... пр[о]вѝдать – и приняслá эт[о], ну, мя́са кáкóе-та. Я раз взялá у-рót, другóй раз взялá – кáкáя-тэ кóстóчка мне попáла. «[Ч]тó тут за кóстóчка?» Гляжѝ – там нéт такóй кóстóчки, ни в этóм, ни в... в-кѝрице <а сэрáя> раскрѝла – ви́штэ (=vīšta лит. курица). А там (в)вѝштэ (=в кѝрице) такóй знаѝю, что нет кóстóчки. А пóсле сказáла, к... што крóлик. Так-кáк я потóм, э́ще хѝже заболéла. Вот.

(Зап. в Федаришках, от жен., 1932 г.р. Соб. И. Магин)

4. Структурные связи

4.1. Поганая кружка

Разговор о пищевых запретах был бы не полон без упоминания «поганой кружки» – посуды для

чужих. Обычно староверы объясняют ее рационалистически, как посуду для посторонних в целом¹², но в данном примере «поганая кружка» – именно для иноверцев:

[А была вот эта поганая кружка раньше?]

Инф.: Да, говорѝт, рáньше бѝла. Ну, при нас ужé мы ня помним. Нé была уже в нас, у менé, у нас нé была этá кружка. Да, старины кóтóрые сѝльно держáлись этóй вѝры, онѝ ужé горáзда отдéльно бѝла. Я помню, дáже мáма говори́ла – кáкóй-то человек пришóл, – литóвец ужé, ня нáшей вѝры. И пришóл и говорѝт: а... вот. А мáть говорѝт дочкѝ: «Ты поглядѝ, гдé нáша погáная кружка?» Знáчит, кáкá онá погáная, што чужóй человек придёт уже кáкóй – онѝ с тóй кружкѝ даѝт емѝ пѝть. А где сáмы там ня пѝют. Бѝло этó такóе помню. Но у нáс уже нé было, тѝпéрь. Тѝпéрь, тѝпéрь же во всѝ и жéнятся ужé ж – всь... мнóго тапéрь у нас, возъмѝ дярéвне – мнóго скóльки – тóт за литóвцем вѝшедцы, то взя́та литóувкá. Вот у моѝвó брáта – вот взя́та во. И живѝт прекрáсно живѝт. А кой чѝрт? Кáкáя рáзница? <далее разговор переходит на двуязычие внуков>.
(Зап. Федаришках, от жен., 1935 г.р. Соб. И. Магин)

Инф.: Мóжет, чáю, иль кóфий?

[Не откажусь.]

Инф.: Не откáжете? Ну, дóбре, молодéц.

[А что, есть у вас поганая кружка, да?]

Инф.: Не, не <смеется>. Сейчáс ужé нéт, дѝтка. Прошлó[?] этó всѝ, всякие кружкѝ погáные. Прошлѝ. <нрзб> Нет, уже прошлѝ этѝ кружкѝ. Да, рáньше бѝло. Ужó(?) сейчáс вот, на горѝ мы жѝли, а сюдѝ на горé жил так Купрéновы такѝе лѝди. Там, ужé тудá не зайдѝшь. И ня сѝдишь где... где их попáло. Бѝла скáмѝйка, где... для другóго человека, где сѝсть. Вот тáдá йонѝ там придёт – там йон сѝдит, а сюдѝ не сѝдит.

[Даже так?]

Инф.: Да и кружка евó бѝла, вот.

[А поганую кружку всем давали? И если старовер пришел из другой деревни?]

Инф.: Нé, нé.

[Староверу дадут?]

Инф.: ...дадут, да, свою кружку.

[А поганую это всем остальным?]

Инф.: Это када другой пришёл. <...> А со своими не, своим не было так. <...>

[А поганую кружку в доме держали, или она на улице стояла?]

Инф.: Не, в доме, што, да, в доме. Раньше, знаешь, были такие посудники – <это щас> всякие эты... эты шкапики да всё. А раньше самодёлка вот так была, придёшь – вся стянá в полках. Полкам надéлан было.

(Зап. в Федаришках, от жен., 1932 г.р. Соб. И. Магин)

Если из домашней посуды пил или ел посторонний, ее могли и разбить:

Служил в пятьдесят шестом году в армии, э... (=то есть) в этой... ну, в работниках, ну, в Латвии. И я принёс – не поганую кружку подал, а с этой кружкой подал и пришёл там латыш и попросил пить, – и я подал. Ну и старуха – он ушёл – она разбила эту кружку!

Штób она не мяшалась. И меня отругала: «Ты шó, не знаешь, где поганая кружка?» А я вошёл, взял абы какую, какая мне попала под руки. И зацепил <другу> воды и всё. Он напился, <у них, наверно,> нет такого – другая кружка. Она взяла, побила, штóбы не мешалась.

(Зап. в Карташовке, Зарасайского р-на, от муж., ~60 лет. (зап. в 2003 г.). Соб. И. Магин)

Заметим, что рекомендация «а сосуд разбейте» восходит к той же книге Левит (11:33). У южно-русского и сибирского старообрядчества известна другая модель – прокаливание оскверненной посуды¹³, неизбежно совпадающее с кашерованием. У литовских старообрядцев такие практики не фиксировались.

4.2. Свои и чужие правила

А вот записанный в Зарасае рассказ о встрече старообрядческих и еврейских запретов:

Инф.: Мама моя, так еще она как-то, но бабушка была такая – ой! Старинная такая. Поехала я в Зарасай, помню, купила булочку. Привязала, я ей гре: «Доченька, ты от кого купила эту булочку?» А я чэстная, я не могла соврять. Я и щас так – я не могу соврять. Я говрю: «Бабушка, я не знаю, от кого купила». «Мóжет, и не от русских?» «Мóжет, и не от русских». «Ой, доченька, выкинь ты эту булку». «Я ня буду йисть, это ж гряшно». Буду я выкидывать! Я зашла за угол и съела!

[А почему? Нельзя было?]

Инф.: Ну конé-ешно! Штó-тэ вы! Зайдёт другая национальность – надо было клянку помыть. Гряшно было. Если чашку там, зайдёт какой нищий... У нас заходил такой яврэй, ёздил с этой, с подвóдой, ночавал. Так он уйдёт, так мы потóm с тряпкой всё эта – где он спал и дверины эту ручку – все должны вымыть, – это ж гряшно, как же! Ну мама наша была гостеприимная, она принимала. Приедет человек – возил товары на тляге. Ну, переночует, постелим яму на скамейках, подушку дадим там, такие польты вниз постелим.

Он отдельно варил чай, варил себе кашу. Пойис с своей чашки – он с нашей посуды не ёл, ему гряшно было. Еврейчик, такой хороший человек, переночует у нас. Но после этого надо было всё вымыть, штóбы [нрзб.] – бабушка была очень регилиóзная.

[А клянка это что такое?]

Инф.: Ну, это дверина где закрывалась, такая вот, как у нас щас до улицы выходишь так, так там такая щас уж старинная есть. Я вам покажу.

(Зап. в Димитришках, Зарасайского р-на, от жен., 1921 г.р. Соб. И. Магин)

4.3. Кровавый навет

С одной стороны, запреты сближают староверов с евреями. С другой же, поскольку пищевые табу связаны и с кровью, то они наводят рассказчика на сюжет кровавого навета (который, собственно, и строится на различии пищевых традиций), здесь евреи уже выступают как чужие:

Инф.: Кролика вот не ядут, зайца-кролика не ядут, коня не ядут.

[А почему?]

Инф.: А вот ня знаю. Ай! По-мойму, в каво нярезанный копыт.

[Нерезанный копыт?]

Инф.: Вот. В коня – крутлый. А кролика так я не... А кролик зачём сляпой рождается.

[И я так слышал само.]

Инф.: Да-да – кролик зачём сляпой рождается, а конь шчитается полнокопытой. В коробы быва-ет, ну, перэрэзанный, у-в-овэчки, поросёнка, а в коня ж вот такой и такой.

[Значит, поросенка можно?]

Инф.: Поросёнка можно.

[А вот евреям ведь нельзя поросёнка.]

Инф.: Кому?

[Евреям. Ну вот, жидам.]

Инф.: А еўреям. Да-да-да, это я слышала.

[А не говорят, почему нельзя жидам поросёнка?]

Инф.: А вот ня знаю.

[Потому что у них тоже про копыт так есть, и кролика им тоже нельзя.]

Инф.: Жидам?

[Ну, да.]

Инф.: От жыды, как-то говорили, что им надо было э... русской крови, а к чаму и как?

[Это здесь, что ли, говорили? Здесь жида которые жили?]

Инф.: Aha-aha-aha. В нас тут был такой разговор, што ловили ребят. И там <чэтак> человека, посадут в бочку, в бочке гвозды, и там ево куляют (=крутят), русского человека. Так, так было аль не было. А послé, я не помню, в какой – или на Пасху, или, или когда перяд в Заговины¹⁴ всем давали своим жидам этой русской крови¹⁵.

(Зап. в Федаришках, от жен., 1935 г.р. Соб. И. Магин)

В последней реплике приводится весьма устойчивый текст «кровавого навета». Точно такие стереотипные рассказы о добавлении евреями в пищу крови христиан характерны и для православ-

ных, и для староверов, как в Литве, так и в соседней Латгалии¹⁶. Разговор о пищевых правилах евреев достаточно часто переходит к кровавому навету:

Инф.: Я помню, моя сестра (уже умерши она, младше меня) жила в Риге – чатырнадцать человек было яврей. И ў яврейской сямье. Ну хорошие они были. Ў нас семья была – бывало, они што поносют – и сястра привозила там: и туфли, и платья какие, и всё нам. Её – Эрик мальчик был, то ли три годика – её посылали, она как нянькой там была, няньчила де... рябёнка. А йих было чатырнадцать человек.

[Ничего себе, какая большая семья.]

Инф.: Большая семья.

[Угу.]

Инф.: И они посылали её на базар, штоб она покупала курячью пачёнку для этого мальчика. Или и... она грит... сколько ей там ль... она младше меня была. Лет семь, може, была. И каждый вечер надо было всем мужукам (жёнщинам – ня помню) носки ш... стирать.

[М-м!]

Инф.: Сильно в каких-то были ноги, ну, потом как они бывает што. Запах пота.

[Ага.]

Инф.: Так она хвалила, што хорошо жили. А вот где сястра в Царниково живёт, там такой, грит, был случай. Мальчика жи... о... а или украли там или как, отрезал... али голов и повесили яво. За ножки. То што надо явреям крови, эта, русской. Правда или нет? Как бы в старину так надо было.

(Зап. в Манеевке, от жен., 1932 г.р. Соб. И. Магин)

4.4. Чужая еда

Здесь же уместно будет привести текст о порче пищи евреями. Он связан с кровавым наветом (рассказы о котором начинаются с того, что евреи угощали мацой), но отчасти также перекликается с историей о литовке, угостившей староверку крольчатинной под видом курицы (Зап. в Федаришках, от жен., 1932 г.р. Соб. И. Магин):

[А вот мне рассказывали, что жиды пекли какие-то жидовские баранки, которыми они торговали здесь.]

Инф.: Да-да, пякли́.

[А что это такое за жидовские баранки?]

Инф.: Ну никто́ раньше – литовцы, ни русские, ни... ни... не имели магазина – то́ка одны́ жиды́. Ну.

Напряме́р, ў нас эт в Панеде́лех одны́ мы[?] ско́ка бы́ла, там яйчко, ящѐ како́й-то – по́мню, что яйчку то́ка, мо́же, како́х чаты́ре. И-йоны́ са́мы е́ты пякли́, а са́мы продава́ли. Хоро́шие, вку́сные бара́нки бы́ли. Бу́лки пякли́, бара́нки пякли́ – продава́ли.

Ну и матерья́лы вся́кие: хто́ – продукто́вые, э́тот прода́кт... в про́дуктс... с продукто́выми – так, мага́зин, сказа́ть. А други́е е́та – матерья́лы там продава́ли, и вся́кие жалёзы, и всё что́ продава́ли, всё – жиды́.

[Так, а раньше же все хлеб дома пекли?]

Инф.: Ну, мы пякли́, мы пякли́! До́ма! Но – а, а йоны́, пар... хто други́е, продава́ли, э́та (=то есть) – купля́ли. Ну и на́ши са́мые, хо́ть и до́ма пякли́, хле́б – пякли, ну, когда́ – бу́лки. А когда́ е́хали в Поняде́ли и шли́, и купля́ли бара́нки. И бу́лки.

Кто́-то там говори́л, што́ бы́л больно́й челове́к, зашли́, а тот больно́й челове́к – ве́сь бу́лкам обло́женный. [пауза] Та́к, на(в)е́рно, на́до было, то́му́ челове́ку.

[Где это?]

Инф.: Ну, и тада́ ня ста́ли. Один одному́...

[Там, прямо в пекарне, что ли?]

Инф.: Ну, не в пяка́рне, мо́жет, зашли – где́ ж в пяка́рне бу́дет? Та́к-то, мо́же, зашли к-в-на кварта́ру ка́к и где́. Ну и то́гда посла́ таво́ ня ста́ли в йих́ ня бу́лки купля́ть, ни бара́нки. Горáчим бу́лкам обло́женный челове́к. [нрзб.] Мо́же, не на го́лое те́ло там нам по́ложе... на́лoжен и хто там – ня зна́ю, ня зна́ю. Но разгово́р тако́й был.

[И все прям поверили?]

Инф.: А?

[Поверили все?]

Инф.: Не́, ну, коне́шно. Не по́мню, и с па́пкой ма́ленькая э́здила, ну вот то́ка што́ ма́ло – я ты́х жидо́в ня по́мню, ни бу́лок, ни мага́зинов (в) йих́ – ничаво́ ня по́мню. Быва́ло, на ко́нех э́здили – ма́шин-то не́ было, на ко́нех на базáр е́хали. По вто́рникум в Пянеде́лех был базáр.

(Зап. в Федаришках, от жен., 1935 г.р. Соб. И. Магин)

5. Заключение: староверы и Холокост

Изложенные далее сведения об истории биржайского староверия и круг ассоциаций были бы не полны без рассказа о расстрелах во время Второй мировой войны:

[Как жили тогда, до войны, помните?]

Инф.: По́мню. А ка́к же, детка, всё по́мню. По́мню па́ка... па́пку, как взя́ли па́пку. Как пришли́ не́мцы. Мне́ уже бы́ло де́вять, де́вять го́д, ве́рно. Да, де́вять. Во. И ка́к йих́ расстря́ляли (и)шшо́. В Биржа́е.

[Кого?]

Инф.: [плачет] Собра́ли со все́й дярэ́вни, согна́ли вот сюды́ во́н, тут е́ще фу́тор (=хутор) был большо́й тако́й. Руки связа́ли по два́ и погна́ли. Во. Согна́ли, ве́рное мо́же, како́е су́тки ай́ (=или) дво́е су́ток там оны́ где-то закры́тые подержа́ли. Э́сли взя́ли, я́мы вы́копали и <здесь> расстря́ляли, там где жидо́[в] расстря́ляли, там ря́дом и на́ших всех...

[И староверов?]

Инф.: ...выко́па... расстря́ляли, закопа́ли я́му.

[Ого]

Инф.: Во. И на́с хоте́ли. Все́ хо... всю хоте́ли дярэ́вню съни... унисы́тожить. Во. а́ле ка́к тут э́т оди́н челове́к тако́й хоро́ший нашѐлся, сказа́л, что уже «sáugė jums», sáko, «ne į Saksónijai vež, a jum vež šáudit», (=«сторожат вас», говорит, «не в Саксонию везти, а вас везти расстрелять») – говори́т. Во. Те́ тада́ э́тэ́ мужыка́ два́ таки́(е) стари́ка коня́ запрягли́ и по́ехали в Ка́унас, что́б э́та к э́та к не́мцу, ну, куды́-то на́до было, ну...

[Жаловаться? Проситься?]

Инф.: Пожа́ловаться, да. Так вот оны туды́ по-э́хали. Так тада́ э́тот, э́тот не́мец приказа́л (им) ми́гом чтóбы э́та всё ж что́б э́та... ас... атка... съять им тако́е де́ло. Вот. Так вот оста́лися еще жи́вы. Во.

[А что, они когда увозили, говорили, что в Саксонию повезут?]

Инф.: Да, да. Бы́ли тако́й. Сказа́ли, что Saksonija nuvéž (=Саксонию отвезти). То́ка на три днѝ яды́ брать бе... пригото.. А так – нико́го штобы ни сэ... ни с оде́жей нико́го, яды́ то́ко на три днѝ взи... брать. Во. Это я, это я, по́мню, еще моя́ сястра́ э́та бы́ла жи́ва. Она тут служи́ла негорáзд дая́ко. Вот. Так сказа́ли, што эт повязу́т (в) Саксо́нию, тада́ ма́мка говори́т: «Иди́ э́та за Лякса́ндрой. А то оста́нется одна́ ту́тока в Литвы́. Как же ж она бу́дет тут одна́?» А я пошла́, а й там был тот хозяи́н шаули́ст¹⁷. А йона́ там в рабо́тниках, в рабо́тнице(х) жи́ла.

[У шаулиста?]

Инф.: А? Да, в шавлиса́ в то́ва, Пу́тке. Йо(н) тада – сиди́м, яди́м, обе́даем, а йон говори́т: «Што ты, говори́т, э́та k... k.. kálbi? (=говоришь) Nékur jum nevéž! Kur jum vėz? Žinoma, jum kur vieta úga». (=Никуда вас не повезут. Куда вас везти? Знамо, вам где место есть). О! Вот каво́ ет то́ко так сказа́л. А пото́м уже я, што я пришла́ б домо́й, а йона́ оста́лась ещѐ, не пришла́ со мной раз. Там еще оста́ласе йона́. Але оста́лись, так вти́хлась и вти́хлись и оста́лись (е)ще жи́вы.

Э, а я <сто́лько>, я тэ в рабо́тниках жи́ла, а я шича́с пошла́ коро́в пасти к лю́дям, коро́в пасла́ у.

[Да?]

Инф.: У тако́их горáзд плохи́х лю́де́й пасла́! <смеется> Тако́ие жа́дные, как я йи́сьть хоте́ла! Хе. Сде́лала па́лочку, на па́лочке наре́зала, как это е́сть – ле́сенка называ́ется.

[Ага.]

Инф.: У, зна́ешь, дитёнок, где Бо́гу мо́лим(т)я?

[Знаю.]

Инф.: А ты сам старо́вер ай-а́й правосла́вный?

[Нет, я с жи́дов.]

Инф.: Ты жи́д?

[Да, я жи́д.]

Инф.: Жи́д! Хе-хе́й [смеется] Ну вот, ви́дишь, какие лю́ди смяши́вши. Вот. И ту́та-к вот в Би́рже во е, е́стя, как же ж, в э́там расстре́ляные жи́ды, а ря́дом бы́ло моги́лы э́та я́ма вы́копаная на́ших, федори́ших лю... чаты́рнадцать, ка́жется, челове́к, во, расстре́ляли. Вот. И э́тых тако́их мужчи́н сове... и тако́их мо́лодых ещѐ – по сямна́дцать лет бы́ли. Вот шеча́с: Корне́й, ту́т э́тот – Григо́рий, да э́тот – Ива́н. Вэ, как же э́того? А йо́та не скажу́ как и зва́ли, во ту́т сосе́дова был, то́же мо́лодой па́рень. Во ско́ка штук. Оди́н, два́, три́, чаты́ре, пять челове́к – па́рени, па́рени бы́ли ишщо́.

[И они там и есть похоронены?]

Инф.: Ага, да. И они разо́м-разо́м со вс... с на́шими, со все́м. Не, ишчо́ не шавели́тса. [разговор отвлекается на варку яиц]

[Что-то как-то накренилось там.]

Инф.: Ще, де́тка, не шавели́тса.

[Нет, уж начинает.]

Инф.: Нача́инает... бур... barbaliúkèt (=пузырится)? Во-во. Нача́инает, да-да.

[Пузырится, ага. Так они рядом с евреями теперь лежат там, что ли?]

Инф.: Да-да, та́мока, де́тка. Ка́мень е́стя, да, поста́вленный и щича́с явре́ев э́та туды́ сде́лали с э́та, а и на́ших то́же хоте́ли вы́копать, так откры́ли, а йоны́ все́ й в поса... обы́паны э́той си... звёздом с э́том... ка́к же ж называ́ли э́ту, где горáзд йи́ста-та? – клёрка, клёркой – ктóя така́я смерду́щая.

[А, это которой сыпят?]

Инф.: Да, осы́панные бы́ли, няльзѝ было́ взя́ть, вси k... вси́ были́ посье́денные. Одь... хоть бы оде́жу бы – мо́жно пощи́татъ, ско́ка полежа́вши бы́ло, все равно́ б зна́ть бы́ло. А тут он рассу́паны и все́ съе́дено и все́. Так и, так и ня трóнули, я́му дру́гую вы́копали с... с э́та... балдо́зом (=бульдорезом) э́та тра́ктором зары́ли и все́ больш. Там е́сть в э́тых, е не доежжѝя Би́ржа́я, э́тот та́мока ж э́тот А́стравас.

(Зап. в Федари́шках, от жен., 1932 г.р. Соб. И. Магин)

Сходное рассказывают и латгальские староверы: «Говорили, что будут стрелять русских, запирали в сарай. Людей [евреев] постреляли, нас собиравлись»¹⁸.

6. Общие сведения о староверческих говорах Прибалтики

В статье приводятся тексты, записанные преимущественно в двух деревнях Биржайского района. В деревне Федаришки (Kvedariškis) живут почти исключительно староверы (есть одна смешанная семья и одна приезжая), в Апошче (Арашча) до Второй мировой войны жили только русские, а затем население (по рассказам жителей) стало смешиваться. Если Федаришки – это компактная консервативная деревня, в которой живет около 15–20 человек, то Апошча – поселок, стоящий прямо дороге из Биржая в Панделис; среди литовцев здесь много приезжих, много смешанных браков, а те староверы, с которыми я говорил, заметно литуанизированы, а часто и между собой говорят по-литовски. Центром для местных староверов является не Биржай, расположенный от Федаришек в 15 км, а Рокишкис. Отсюда приезжает на праздники священник.

Если коротко коснуться истории изучения говоров балтийских старообрядцев, то нужно признать, что она складывается скорее несчастливо. Во всяком случае, прибалтийские русские говоры не были включены ни в один диалектологический атлас, а наиболее обширные по объему материала работы остаются неопубликованными¹⁹. Новейший общий обзор русских говоров Литвы дан в итоговой работе В. Чекмонаса²⁰, библиографию см. у Н. Морозовой²¹.

Поскольку записи биржайского говора литовских староверов ранее, насколько можно судить, отдельно не публиковались, стоит сказать несколько слов о нем. Говор биржайских деревень входит группу староверческих говоров Прибалтики. Все эти говоры объединяет несколько характерных черт: яканье в предупредном слого –

Карта 1. Серым отмечены обследованные деревни Федаришки, Апошча, Манеевка.

сленой /sl'äpój/, регрессивная палатализация согласных – *русский* /rú's'k'äj/. От диалектов соседней Белоруссии прибалтийские говоры резко отличаются произношением [г] преимущественно как взрывного (а не фрикативного, как в белорусском и украинском) и совпадением творительного падежа во множественном числе с дательным – *горачим булкам обложанный*, что в белорусском и украинском не наблюдается.

Староверческие говоры Прибалтики принято называть островными, так как русские поселения, обычно, окружены иноязычной средой и не общаются с материковой Россией. Изоляция эта относительная. Все общины поддерживают связи друг с другом, а равно и с белорусскими староверами. Цепочка таких островов тянется от Псковской области к причудской Эстонии и Латгалии, сквозь Латвию, Жемайтию и Литву до Польши. От исторических псковских говоров прибалтийские заметных отличий не имеют и являются как бы их продолжением.

В Литве наиболее крупные старообрядческие центры – в Зарасайском (здесь староверы самое большое меньшинство) и Йонавском районах. От Зарасая на запад староверы живут в Рокишкисе, затем в Биржае и окрестностях, и дальше уже в Жемайтии – в Шауляе и так до Клайпеды. Биржайский говор отличается от ближайшего к нему, зарасайского, обилием полонизмов. Если в Зара-

сае польский язык остается употребительным, особенно у старшего поколения, то в Биржайском районе поляков нет, польский язык не используется. Тем заметнее выглядит на фоне этих сведений отсутствие польских заимствований в зарасайском говоре и, напротив, их обилие в биржайском. Оба района расположены близ латышской границы и связаны с Латвией (у большинства биржайских и зарасайских староверов есть родня в Даугавпилсе, Риге и т.д.), причем Зарасай ближе к крупным населенным пунктам Латвии, однако биржайский говор по насыщенности польской лексикой оказывается близок к говорам Латгалии. Впрочем, эти наблюдения строятся на анализе 7 интервью из Биржая и 20 интервью из Зарасая – они субъективны, но больше пока опереться не на что, поскольку подробно описана только лексика юга Литвы.

6.1 Особенности биржайского говора и изоглоссы

В текстах, приведенных выше, представлено множество черт, характерных для говоров литовских старообрядцев:

– употребление «каво́» в значении общего вопросительного слова (вместо «чего/кого»), что, надо полагать, связано с балтийским влиянием (в латышском и литовском одно вопросительное слово для «кто/что» – *kas*),

– переход существительных среднего рода в мужской (копыт) или женский род (яичку), что в целом выглядит как унификация падежных форм,

– слияние предлогов «у» и «в»: *в меня*, и при этом наращение протетического «в» в словах на губной гласный – *вулей* (улей), что в сочетании дает сложные формы вроде *у-в-овечки*

– страдательные и перфективные конструкции: *тот за литовцем вышедцы, то взята литоувка* и пр. (в материалах из Биржая таких конструкций, кажется, гораздо меньше, чем в записях из Зарасая).

– переход [š], [s'] в [x], известный многим районам Псковской области: *хвистеть* (свистеть), *грух* (груш) и пр.

Не решаясь на развернутое сопоставление местного говора с соседними, можно, во всяком случае, картографировать различия ключевых слов, касающихся пищевых запретов:

Биржай	Рокишкис	Зарасай
перерезанный копыт	с копыткам	расколотый копыт
круглый копыт		круглый копыт
нерезанный копыт		- - -
(кони) полнокопытый		круглое копытошнее (животное)

Основная идея состоит в следующем: диалекты как таковые – не более чем лингвистическая абстракция, удобная для описания материала. Говоры (компактные территориальные группы) тоже представляют собой, в известной мере, условность. В случае литовских староверов, живущих небольшими группами, вопрос о сопоставлении говоров приводит к сопоставлению идиолектов, т.е. речи отдельных людей. Сопоставить во всех аспектах множество речевых актов даже 30–40 человек (т.е. проинтервьюированных жителей Федаришек, Апошчи, Манеевки и окрестностей Зарасая) – задача, тем не менее, маловозможная. Поэтому я выбрал узкую, устойчивую тему (зачастую предлагаемую информантами), позволяющую собрать однотипные тексты с предельно близкой лексикой и сравнить ключевые наименования.

Из сопоставления видно, что слово *копыт* (копыто) – общее для всех обследованных деревень, за исключением Манеевки (где отличная форма записана от одного информанта). Определение «непарного» копыта – *круглый копыт* – также оказывается преимущественно общим, хотя имеет свои варианты (*нерезанный* в биржайских деревнях). Определение «парного» копыта уже расходится: *перерезанный* в Биржае и *расколотый* в Зарасаяе.

Картографирование названия конины показывает сильное и регулярное расхождение между Федаришками и Манеевкой с одной стороны (производные от *кони*), и Апошчей с Зарасаяем –

с другой (производные от *лошадь*). Федаришки и Апошча находятся совсем рядом, в прямой видимости друг от друга, так что полученный результат – не вполне предсказуем.

Нужно оговориться, что речь не идет о том, что в Федаришках животное всегда называют конем, а в Апошче – лошадью, и даже не о том, что *конина*, *копятина*, *конь* – единственные названия для этого мяса в Федаришках. Карта показывает только одно – в беседе о пищевых запретах наблюдается такое устойчивое разделение наименований, в первую очередь – между двумя близлежащими деревнями. Наверняка можно предположить, что по другим темам изоглоссы распределяются иначе.

Нетрудно заметить, что количество картографируемого материала невелико. Однако же относительное количество, как кажется, можно считать достаточным – в Федаришках и Маневке было опрошено большинство жителей (т.е. все, бывшие в деревне во время обследования), а в Зарасайском районе было записано около 30 интервью, что можно считать достаточным. Для сравнения – стандартная выборка при сборе лексического материала в России – 2–3 человек на деревню, 2–3 деревни на район.

6.2. Социолингвистические характеристики

Все интервью записаны от людей старшего поколения, 60–80 лет. Соответственно, данное ниже описание языковых отношений, скорее, относится к их детству и юности, 1930–1950 годам. Староверы в Литве, как правило, живут обособленно от литовцев. Все мои биржайские информанты свободно владеют литовским. Выучили они его, как правило, в позднем детстве, нанимаясь к литовцам в работу. Часть из них ходила в русскую школу, часть в литовскую.

Инф.: Я дятёнок ня ўмела – хкак пошла (=в работу к литовцам), так и не ўмела по-литовськи ни слова.

[А они умели?]

Инф.: А оны ни тóже ни умели...

Карта 2. Названия конины. В скобках даны отсылки с цитируемым интервью.

[По-русски?]

Инф.: Да, ни умели. Так тóка рáз вот (=разве) што нямно́жка, вот как в шко́лу ско́ка кодила, то тада была нача́вши, так вот какие там слова́ зна́ла. Вот, потóм уже, я как шко́лу ко... э́та, пошла́, тах тада́ – а всё равно́ ищó я никакó ня зна́ла. Пошла́ пасти́ корóв – ня зна́ла никакóў. Проси́ли, на́до было сходи́ть одолжи́ть ришатó – муку́ се́ять. Пришла́, к сусéду пришла́ – пока́ и шла́ «си́ета, си́ета, се...» (=лит. решето). А пришла́ и ня зна́ю как сказа́ть. Во. Так «ка́ кuo atéjai?» (=чего ты пришла?). Стою к... и всё, и ня зна́ю кuo atéjai (=чего я пришла). Та́и (=так) паслэ́ – «dúoңц, dúoңц!» (=хлеба) – ин... иму́ показáла, што на́до се́ять муку́, dúoңц керс (=хлеб печь). Во, так вот, тада́ да́ли мне ришатó.

(Зап. в Федаришках, от жен., 1932 г.р. Соб. И. Магин)

Другими языками, кроме русского и литовского, они не владеют. Живя в русской среде, они, однако, постоянно пользуются литовским – смотрят сериалы на литовском и по-литовски же разговаривают с внуками и родней – у многих дети вступили в смешанные браки.

6.3. Самоидентификация

Самоназвание у старожилов Федаришек и Апошчи – староверы, старобря́дцы, ру́ськи. Им также

известно употребляемое в Рокишках «маскóли» в качестве прозвища, данного литовцами (еще дальше на восток, в Зарасае, «москалі» – самоназвание староверов).

Чтобы избежать недоговоренностей, нужно описать полевые впечатления от религиозной стороны жизни биржайских староверов. Формально старообрядцы Прибалтики относятся к «беспоповскому толку Федосеевского согласия», но на местности эти определения не имеют никакого смысла. Они известны священнику в Зарасае и, возможно, священнику в Рокишкисе, но рядовые жители их не слышали. Незаметно, чтобы они разделяли религию и традицию, они не читают по-церковнославянски и не читают Библию, виденный мной круг чтения ограничивается молитвенниками. Поэтому я никак не привлекаю книжную традицию к анализу тестов.

О своем происхождении старожилы мало что знают, им известно только, что живут они здесь с давних времен.

Инф.: Откуда взялись? Дётка, (й)оны, мы няхто ня помним эта – хто тут, когда нас хто. Бабушка моя ня знаёт, ня знала и йона нам ня знала никогó не говорила. Когда нас сюды хто привёз и хто нас сюды привёз. Вот яблыня во стоит – во, вон тая большая, во-он – видишь? Вон то, во – ня ётая, а вон – вот туды дальше вóт. Вот. Ей уже ня... Бабушка уже ищ... ня помнит, как она́я была посажена, эта та яблоня. Во. И топёрь всё яблоня стоит наша эта.

[Так давно вы тут живете.]

Инф.: Да, вот ско́ка год. Уже каки́х... щас уже двэсте... двэсьте год так то́чно. Ё́стя вот па́мятник оди́н, са́мый пе́рвый, ве́рно, поста́вленный ка́менный. Так та́м ещё мы эта, ну, стира́ли – и ей мо́жна в эта бы́ло на́писано: како́ва года йон тут стои́т, этот па́мятник.

[Это на кладбище, что ли?]

Инф.: На кла́дбище, да. Тако́й вот этот ка́мень – сюды тут на се́ради́ны пачки́ (=почти). Во. Тэ то́ка на́до там эт щётку, там на́до хорошо́ прае...

[Почистить?]

Инф.: ...прэшаравать, да. И йон же зарóщи-зарóши. Вот ко́нда-то мы как ста́вили э́ты па́мятник, так та́да эта м... мь... мальчаня́та, – ну, мужчи́ны э́ты, пошли́, хоте́ли э́та взна́ть ко́нда х... ну, вот, ко́нда тут нача́та хорони́ть. Так вот йоны́ сошчитали́, что уже двэ́сти, двэ́сти э́тых год.

(Зап. в Федаришках, от жен., 1932 г.р. Соб. И. Магин)

Выше уже говорилось об относительности изоляции литовских староверов, семейных связях с Латвией, Белорусией, Эстонией. Многие из них бывали и в материковой России. Однако, когда во время немецкой оккупации 1941–1944 гг. в окрестности Биржая были пригнаны крестьяне из России, для местного русского населения это стало сильным этнографическим потрясением:

Инф.: Как по́сле войны́ отсю́дова э... сю́да (уже бы́ли тут э́ты не... не́мцы, не́мцы тут э́щё бы́ли) и сю́да-бы́ли привёзши э́тых с... каки́х-то ру́ських э... люде́й. Ай с Калу́ги? Калу́ские (йо)ны́ все́ называ́ли, калу́ский. Так у йи́х, быва́ло оны́ в таки́х пляте́ные х... э́тот, башмаки́, та́пки таки́ пляте́ные, ходоки́. И... и э́той и ши́тые хала́ты таке́и, ту́т (=на спине) мо́рщено, вот э́то я уже́, вот э́то уже́ я з... по́мню. Во! Э́то срáзу как то́ка не́мцы, зашли́, а их – а ча́во их сюды́ привязли́? И не́сколько сяме́й бы́ли. И до́лго <й>оны́ тут бы́ли.

[А потом куда делись?]

Инф.: А во<т> не зна́ю. Как война́, дётка, война́ ко́нчила, а мо́ (=может), они домо́й по́ехали. У́ехали в Росси́ю.

[А, что, не помните, как назывались эти их – обувь-то?]

Инф.: Ну́ дак я и говорю́ – ходоки́.

[Ходоки?]

Инф.: Да.

[А-а. Лапти – я знаю такое слово.]

Инф.: Та ла́пти, да, и ла́пти, и ходоки́.

[Но здесь такого не носили?]

Инф.: Да-да, нет. Из... таки́е, плéтенные как... с такой, как сказа́ть, с мо́ (=может) с ли́пы.

[Ну да-да, луб это.]

Инф.: Вот. Да. Вот так плетёные вот такие и сюда и тут вярёвочкам, вот так вярёвкам завязанные вот такие, вот досюдова, во, йоны. И носили вот ты, я знаю, что это приёжхадшие носили – и эт бы (=были) ходоки эта. И паль... польты, эта, такие всё руды, всё одинаковые и на... тут на задю наморщёно. Во. Так тут так широко, а сюды наморщен.

[Так они подпоясанные, с верёвочкой?]

Инф.: Ня знаю, ня помню уже, дятёнок, как то было, – знаю, что тамока эта... ну... были эта сморщена там зяду.

[А они сами называли, да, это ходоками?]

Инф.: Да, эта да, лапти – эта ходоки эта.

[Здесь такой обуви не было своей?]

Инф.: А?

[Здесь такое не носили?]

Инф.: Ня знаю.

[Ну, свои, местные так не ходили?]

Инф.: Нё, нё. Наши таких таких нё было.

(Зап. в Федаришках, от жен., 1932 г.р. Соб. И. Магин)

6.4. Транскрипция

В безударной позиции гласные [а], [о], [и], [е] редуцируются до гласного среднего подъема [э] (в русской диалектальной записи [ь]), кроме [е], в предупредной позиции переходящего в [а]. Гласные [у], [ы] в безударной позиции сохраняются. Практика показывает, что фонетическая передача этого [э] существенно затрудняет чтение, поэтому вместо записи *ну бол'шь ня-знаю к'во* дается этимологическое написание, отчасти приближенное к нормативному, но, вместе с тем, передающее характерные черты говора *ну больше ня знаю* –

каво. Иногда все же приходится оставлять в написании безударное [э] – в случаях, когда не возможно этимологически интерпретировать падежное окончание (форма *этэ* может значить и *эта*, и *это*).

Порой в речи проскакивает в нарушение правила нередуцированный безударный – он берется в квадратные скобки: *положен[о]*, что кажется удобнее, чем общепринятое *п'ложьно*. То же относится к записи [*ч*]то, где произносится [ц] вместо нормативного [š]. В треугольных – ремарки: *смеется, кашляет* и т.п. В треугольных же скобках дается неуверенная расшифровка. В круглые скобки взяты случаи, когда звук не слышен отчетливо, но нужен для понимания смысла, либо случаи, когда его можно приписать к любому из слов: *осталась (е)ще* может трактоваться и как *осталась еще* и как *осталасе ще* (и как слияние гласных). В круглых же скобках, после знака равенства, даются пояснения и переводы.

В ряде случаев слышно необъяснимое сильное иканье и аканье, например, [r'išató] вместо ожидаемого [r'əšató] или [kəlúsk'ii] вместо [kəlús'k'əə]. Строго говоря, оно не должно передаваться в расшифровке, поскольку, скорей всего, возникает позиционно, но отказаться от его передачи трудно – таковы издержки работы с сырым полевым материалом, т.е. нехватки полного описания фонетики говора.

Многоточие передает паузу в речи. Две точки, как это принято в диалектологической нотации, обозначают речевые помарки, незаконченное слово, например, *де..* (=детенок) *рябёнок*.

Реплики собирателя приводятся полностью, поскольку часто его речь влияет на то, какие слова и конструкции выбирает для ответа информант.

Примечания

¹ Королева Е. Образ инородца в традиционной культуре староверов Латгалии // *Latvijas universitātes raksti: Актуальные проблемы русского и славянского языкознания*. Вып. 772. 2012. С. 47.

² Кувайцева М.В. Застолье: Кухня староверов Эстонии. Таллин, 2010.

³ Морозова Н., Новиков Ю. Чудное Причудье: Фольклор староверов Эстонии. Таллин, 2007.

⁴ Макашина Т.С. Фольклор и обряды русского населения Латгалии. М., 1979.

⁵ Марченко Е.З. Из наблюдений над русскими говорами Литвы (наименования пищи) // *Диалектологический сборник IV*. Вильнюс, 1974. С. 93–101. (Статья основна на зарасайских материалах).

⁶ У восточных христиан нет особых документов, компактно регламентирующих пищевые запреты, а те предписания, которые рассредоточены в разных редакциях «Номоконона» («Кормчей книги»), категорически запрещают только удушению и мясу с кровью (в частности, шестой вселенский собор осуждает в этой связи колбасу: «хитростию некоею сотворяют снадну, еже глаголется калбасы»).

Исключение составляют редкие сочинения вроде «Правила о верующих в гады» (XIV в.), где дается перечень запрещенных в пищу существ, повторяющий запреты книги Левит с некоторыми вариациями (в список попадают медведица, крыса и еж), но в целом отсылающие к «закону библии» (Смирнов С. *Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины* (тексты и заметки). С. 144–145, 146. Включено с самостоятельной пагинацией в кн.: *Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта*. М., 1913). При этом сама книга Левит на старославянский была переведена поздно, впервые, видимо, в составе Геннадиевской Библии 1499 г. Другое дело, что древнерусская традиция дает множество примеров неправильного рациона. В том же «Номоканоне» можно найти полемическое сочинение «О фрязах и прочих латинех», где о гемуэцах говорится: «давлению ядят и звероядину и мертвечину, и кровь и медведину, и выдры и желвы (=черепahi), еще же и тех сквернейшая и скареднейшая». Инвективы такого рода свойственны и древнейшим восточно-славянским памятникам, но мало что говорят о пищевых правилах самих восточных славян. Так Феодосий Печерский (XI в.) в «Послании великому князю Изяславу о вере варяжской или латинской» пишет о латинянах, что они «ядят со псы и с кошками, и пьют бо свой сец; ядят лвы и дикие кони, и ослы, и удушению, и мерт-

вечину, и медведину, и бобровину, и хвост бобров». Повесть временных лет, древнейший памятник восточно-славянской письменности (XI–XII вв.), сообщает, что «и ныне при нас половци... ядуше мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы, и поймають мачехы своя и ятрови». Причем там же сообщается и о самих восточных славянах: «а деревляни живяху зверьским образом, живуще скотьскы: и убиваху друг друга, ядуше все нечисто... А радимичи, и вятичи и северо один обычай имяху: живяху в лесе, якоже всякий звер, ядуше все нечисто, и срамословье в них пред отъци и пред снохами». И даже о заточенных Александром Македонским коленях там же говорится, что «человеки нечистыя от племени Афетова... ядыху скверну всяку, комары, мухы, коткы, змея, мертвецца не погребати, но ядыху, и женские изъврагы и скоты вся нечистыя».

⁷ Иванова Н.В. Запреты и предписания староверов Латгалии // *Научный диалог*. 2014. № 4 (28). С. 76.

⁸ Вариант «у зайца лапы как у собаки» упомянут в статье: Чувьоров А. *Пищевые предписания и запреты в религиозно-обрядовой культуре коми старообрядцев-беспоповцев* // *Пир – трапеза – застолье в славянской и еврейской культурной традиции*. М., 2005. С. 129.

⁹ Тексты такого рода хорошо зафиксированы, таков, например, сюжет о поросенке, которого нельзя есть евреям потому, что он выдал младенца Иисуса в яслях (Андреева Ю., Вятчина М. «Кошерный стол» и «хазер»: пищевые практики евреев в представлении нееврейских жителей Латгалии // *Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 гг.* М., 2013. С. 225–227). Тот же сюжет в связи с запретом на едение конины у староверов см. Чувьоров А. *Указ. соч.* С. 128. Новейшая запись из Латгалии: «Богородица спасла Христа своего, она и в конюшне, конь вытягал сено, коня нельзя исть... А поросенок в навоз его [Христа] зарыл, поэтому мы его едим» (Амосова С., Гехт М. *Материалы экспедиции к старообрядцам г. Прейли (Латвия)* // *Живая старина*. 2012. № 3. С. 58).

Вообще связь пищевых правил с народно-религиозными мотивировками см.: «Народная Библия»: восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004. С. 157–158, 161, 172–176; там же обстоятельно рассмотрена связь еврейской и славянской традиций. Отдельной главой дан сюжет об аисте и потоце (Там же. С. 165, № 347, С. 411–440), и в том числе единственный вариант с пищевым запретом (Там же. С. 414, № 881).

¹⁰ Отсылка к анекдоту «Поповские увертки» (о попе, едящем скромное в пост), который и был рассказан следом как случай из жизни (приводится в сокращении): «Он был военный, но он жил в Рóкишкис. Но он из России откуда-то, я не знаю, откуда. Ну так вот, он рассказывал, что он работал... у хозяина. Дак приехал поп... К посту... Ну и что? Там что-то, что надо, там делали, но тогда поставили бутылку и, этого, поросёнка. Ну, а этот, он смотрит, рассказывал... десять лет было ему. Так ему, он, может быть, и совсем ста.. ещё до революции это всё было. Так вот что... „Боженка, преврати порося в карася“ и помолился Богу и стал... И водку пили и поросёнка... Но это – был. Человек рассказывал».

С анекдотом, впрочем, не все очевидно. Ключевая фраза хорошо фиксируется как поговорка только начиная с собрания Д. Княжевича («Обратись порося в рыбу карася»: *Княжевич Д.* Полное собрание русских пословиц и поговорок. СПб., 1822. С. 189), – в более ранних собраниях, например, у А. Барсова (Собрание 4921 древних русских пословиц. М., 1770) и Симони, опубликовавшего рукописные собрания XVI–XVII в. (Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. СПб., 1899. Вып. 1–2), ее нет, зато у Даля дается с отсылкой к самому анекдоту – «Ну, порося, обратись в рыбу карася, – сказал монах» (*Даль В.* Пословицы русского народа // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском ун-те. 1861. Апрель–июнь. Кн. 2. С. 19). Однако полный текст анекдота появляется довольно поздно, причем раньше в беллетристике (*Михайлов А.* Жизнь Шупова, его родных и знакомых // Современник. 1865. № 6. С. 9), чем в фольклоре. Второстепенную беллетристику этот сюжет буквально наводняет, его приводят П. Боборыкин (Ранние выводки // Отечественные записки. 1877. Т. 235. № 11. С. 44), Н.С. Маевский (Из семейных воспоминаний // Исторический вестник, 1881. Т. 3. № 10. С. 131.), И. Салов (Едет! // Отечественные Записки. 1882. Т. 258. № 7. С. 214.), А. Амфитеатров (Вчерашние предки, Париж, 1930. С. 77.) и мн. др. При этом фольклорная фиксация известна только одна, в книге М.В. Красноженовой «Сказки Красноярского края» (Красноярск, 1940. С. 188), а сама запись сделана в 1934 г. в городе Красноярске от 31-летней женщины. Других фольклорных записей этого сюжета в России не известно. В указателе восточнославянской сказки он также отсутствует. Это заставляет предположить, что Красноженова записала секундарный текст, усвоенный горожанкой из письменного источника. Позже эта же запись публиковалась в подробно комментированном собрании Долмановского и Новикова, но без упоминания вариантов (Русское народно-поэтическое творчество против религии и церкви. М.–Л., 1961. С. 146).

Почти в то же время этот сюжет появляется в нацистской пропаганде, как анекдот о выкресте «перекрестив-

шем гуся в рыбу» (*du warst ne Gans und bist ein Fisch*), где обыгрывается сходство с самим евреем перекрещенным в христианство (*Bauer E.* Trau keinem Fuchs auf grüner Heid und keinem Jud auf seinem Eid. Nürnberg, 1936. S. 10–11). В этом же виде анекдот зафиксирован А. Дандесом: «once a chicken, now a fish» (*Dandec A.* Об этнических стереотипах: евреи и поляки в Соединенных Штатах // Фольклор: семиотика и/или психоанализ. М., 2003. С. 150–151). Он же указывает (*Dundes A.* Circumvention and Jewish Mentality // The Shabbat Elevator and Other Sabbath Subterfigures/ An Unorthodox Essay on Circumventing Custom and Jewish Character. Oxford, 2002. P. 80–81), что наиболее ранний вариант содержится в латинской книге фацеций П. Браччолини (XV в), где речь идет об испанском епископе, который ест в пятницу куропатку в качестве рыбы – «De episcopo Ispano, qui comedit perdices pro piscibus» (Fac. CCXVI). *Facietiarum liber* Поджо многократно издавалась в Западной и Восточной Европе, однако ни в русском, ни в польские сборники фацеций этот анекдот не попал (*Державина О.А.* Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962, *Brückner A.* *Facecye polskie z roku 1642.* Kraków, 1903).

Вессельский указывает еще более давний источник – латинское собрание историй о святых *Legenda aurea*, составленное в XIII в. (*Die Facezien des Poggio Fiorentino.* Komm. von A. Wesselski. München, 1906. S. 308; гл. CXLIX/144): «Св. Антоний угощает попрошайку куриным крылом. На следующий день попрошайка приходит на проповедь, чтобы обличить роскошь Антония, но куриные кости превращаются в рыбу» (я привожу этот пересказ еще и потому, что он связан с мотивом определения запретного мяса по костям). В другом варианте речь идет о св. Франциске, которого угощают каплуном в Перуджии, и он отдает часть нищему, а когда тот пытается обличить его – *cum membrum caponis ab omnibus piscis videretur* (вместо части каплуна всем виделась рыба) (*Voragine J.* *Legenda aurea* / Ed. Th. Graesse. Lipsis, MDCCCI [Leipzig, 1801.] P. 671).

Подводя итог, можно сказать, что сюжет этот – бродячий, однако русской традиции не известный, проникший в нее поздно (между 1770 и 1822) из литературных источников. Сам Княжевич пишет о своем собрании: «присовокупили некоторые сентенции известных наших авторов» (*Княжевич Д.* Указ. соч. С. 6). Остается добавить, что для старообрядческой среды, видимо, типично усвоение книжных текстов. Так в 2003 г. в Зарасайском р-не я записал самобытный пересказ «Тупейного художника» Лескова (*Магин И.* Старообрядческие говоры Литвы: Современное состояние // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 2010. С. 449), ранее в Литве были записаны фольклоризированные вари-

анты сказок А.С. Пушкина (*Митропольская Н.К.* Новые записи сказок «О царе Салтане» и «О мертвой царевне» // *Literatūra. Вильнюс.* 1969. XI (2). С. 152–171).

¹¹ См. электронный словарь литовского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lkz.lt/startas.htm>], skeltanagis 1; 2:3 (дата обращения: 01.12.2014).

¹² *Магин И.* Указ. соч. С. 434–454.

¹³ *Агафонова Н.А.* Некоторые аспекты традиционно-бытовой культуры пермского старообрядчества // *Труды КАЭЭ ПГПУ.* 2001. Вып. 1–2. С. 73. Также прокаливание оскверненной посуды описано в мемуарах генерала А.М. Макашова «Знамени и присяге не изменил» (М., 2006. С. 7).

¹⁴ Сплошная – шчитается, что можно есть и пятницу, и сьреду с мясом. А уже Масляная – токо одно молоко, масло, смятану. Потому что мясо всё – няльзя. Ну и тогда бываёт уже (в) воскресенье Заговины, тогда уже в Великим Посту нам да́же ни рыбину, ни сялёдку есть нельзя (Зап. Федаришках, от жен., 1935 г.р. Соб. И. Магин).

¹⁵ Продолжение этого интервью (прил. 2) и другие примеры текстов о кровавом навете см. в статье С.Н. Амосовой «...Тогда должен знать, что брали кровь и катали»: рассказы о кровавом навете в Биржае в данном сборнике.

¹⁶ *Амосова С.Н.* «Поймают, убьют, кровь вытягнут и прибавляют в эту мацу...»: рассказы о кровавом навете в Латгалии // *Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов* / Отв. ред. С.Н. Амосова. М., 2013. С. 191–217.

¹⁷ От лит. *шаулис* (šaulys) – член союза литовских стрелков. Любопытно, что в литовском идише известна точно такая же форма. «Народная этимологизация на *-ист* по аналогии с националист, дантист...» (*Lemchenas Ch. Lietuvių kalbos įtaka Lietuvos žydų tarimei.* Vilnius, 1970. P. 42).

¹⁸ *Амосова С.Н.* Этнография соседства: некоторые аспекты образов евреев и латышей в рассказах старообрядцев Латгалии // *Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике.* М., 2015 (в печати).

¹⁹ Прежде всего, это две диссертации, доступные только в рукописном отделе библиотеки Вильнюсского ун-та: *Немченко В.Н.* Говор старожилов Йонавского района Литовской ССР. Дисс. ... к.ф.н. Вильнюсский ун-т. Вильнюс, 1960. Основную часть этой работы (с. 237–627) составляет словарь в 3820 статей, некоторая часть из него вошла в сводный словарь: *Немченко В.Н., Симица А.И., Мурникова Т.Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики / Под ред. М.Ф. Семеновой // *Уч. Зап. Латв. Гос. ун-та.* Т. 51. Филол. науки. Вып. 8А. Рига, 1963. Вторая работа, построенная на большом объеме текстов: *Шулене О.Н.* Синтаксис русского говора Зарасайского р-на Литовской ССР. Простое предложение. Дисс. ... к.ф.н. Науч. рук. Б.А. Ларин. Вильнюс, 1964.

²⁰ *Čekmonas V.* Russian varieties in the southeastern Baltic area: Rural dialects // *Circum-Baltic languages: Typology and Contact.* Amsterdam, 2001. P. 101–136.

²¹ *Морозова Н.* Литовское старообрядчество: история, культура, язык (библиографический указатель) // *Slavistica Vilmensis,* 2001. Kalbotyra 50 (2). P. 195–218.